

РИЧАРД
ПАЙПС
АРНОЛЬД
ТОЙНБИ
ФРЭНСИС
ФУКУЯМА

1000 ЛЕТ
ОДИНОЧЕСТВА
ОСОБЫЙ ПУТЬ РОССИИ

Политиздат

Арнольд Тойнби

**1000 лет одиночества.
Особый путь России**

«Алисторус»

2019

УДК 355/359
ББК 63.3

Тойнби А. Д.

1000 лет одиночества. Особый путь России / А. Д. Тойнби —
«Алисторус», 2019 — (Политиздат)

ISBN 978-5-907149-73-1

Авторы этой книги – всемирно известные ученые. Ричард Пайпс – американский историк и философ; Арнольд Тойнби – английский историк, культуролог и социолог; Фрэнсис Фукуяма – американский политолог, философ и историк. Все они в своих произведениях неоднократно обращались к истории России, оценивали ее настоящее, делали прогнозы на будущее. По их мнению, особый русский путь развития привел к тому, что Россия с самых первых веков своего существования оказалась изолированной от западного мира и была обречена на одиночество. Подтверждением этого служат многие примеры из ее прошлого, а также современные политические события, в том числе происходящие в начале XXI века (о них более подробно пишет Р. Пайпс).

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-907149-73-1

© Тойнби А. Д., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Ричард Пайпс	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Ричард Пайпс, Арнольд
Тойнби, Фрэнсис Фукуяма
1000 лет одиночества. Особый путь России**

© Пайпс Р. (Pipes R.), Тойнби А. (Toynbee A.), Фукуяма Ф. (Fukuyama F.), 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

Ричард Пайпс

Вотчинная Россия

(Из книги Р. Пайпса «Собственность и свобода»)

До 1991 года у русских и у народов, которые они себе подчинили, гражданских прав было мало, а политических (если исключить десятилетие между 1906 и 1917 годом) – никаких. Во времена абсолютизма власть верховных правителей России была более абсолютной, чем у их западных собратьев; в эпоху демократии Россия держалась за абсолютизм дольше, чем любая европейская страна. А в течение семи десятилетий коммунистического правления она создала режим, лишивший ее народ свободы в такой степени, какой не знала вся предшествующая мировая история. На протяжении двух с половиной веков (приблизительно с 1600 по 1861 год) русские в огромном своем большинстве вели жизнь крепостных, принадлежавших либо государству, либо помещикам; они были прикреплены к земле и не могли обращаться к закону для защиты от своих хозяев или от правительственных чиновников.

Почему произошло такое отклонение от общего образца Западной Европы, к которой Россия принадлежит как по расе и религии, так и по географическому положению?

Российская предрасположенность к авторитарной форме правления не может быть приписана каким-либо генетическим свойствам. Как будет показано ниже, город-государство Новгород, который во времена своего расцвета в XIV–XV веках включал в себя большую часть северной России, предоставлял своим гражданам такие же, а кое в чем и более существенные права, если сравнивать их с правами тогдашних жителей Западной Европы. Стало быть, причины российского авторитаризма следует искать в другом. Автор держится той точки зрения, что если Россия не сумела обзавестись правами и свободами, то решающую роль в этом сыграло уничтожение земельной собственности в Великом княжестве Московском, которое завоевало всю Русь и установило в ней порядки, при которых монарх был не только правителем своей земли и ее обитателей, но и в буквальном смысле их собственником. Слияние верховной власти и собственности в режиме правления, известном как «вотчинное», наделяло монарха всеми правами на землю и позволяло ему требовать службы от своих подданных, от горожан и простолюдинов одинаково. В четком отличии от Западной Европы, где королевская власть не переступала порог частной собственности, в России (по крайней мере, до конца XVIII века) такие ограничения царской власти были и неведомы, и невообразимы. Когда же к концу XVIII столетия царизм запоздало признал частную собственность на землю, это – по причинам, которые будут разьяснены ниже, – было враждебно встречено как просвещенной элитой, так и крестьянской массой.

Отсутствие собственности на землю лишило Россию всех тех рычагов, с помощью которых англичане добились ограничения власти своих королей. Не нуждаясь в сборе налогов, поскольку вся страна платила им за землю рентой и службой, цари не имели необходимости созывать парламенты. Правовые установления, которые повсюду сопутствуют собственности, пребывали в зачаточном состоянии и были, главным образом, орудием управления. Понятие личных прав было полностью задавлено понятием обязанностей перед монархом. Лишь в 1762 году российская корона освободила высший класс от обязательной государственной службы и только в 1785 году утвердила за ним права собственности на землю. Только в 1861 году крестьяне в России были освобождены от крепостной неволи. И лишь в 1905–1906 годах российские подданные получили гражданские права и представительство в законодательных учреждениях.

Таким образом, история России прекрасно показывает, какую роль играет собственность в развитии гражданских и политических прав, и как ее отсутствие делает возможными произвол и деспотизм государственной власти.

* * *

Как было отмечено, права собственности предъявляются на имущество при двух условиях: на него должен быть спрос и наличествовать оно должно в ограниченных количествах. Для людей, живущих в основном за счет земледелия, таким имуществом является земля. Чем менее она доступна, тем больше вероятность, что за нее будут бороться и притязать на нее как на собственность. Случилось так, что в лесах Великороссии, куда восточные славяне проникли в конце первого тысячелетия, перед новопришельцами открылись беспредельные земельные пространства. Соответственно, земля как таковая не представляла собой никакой ценности; что ценилось, так это рабочая сила. Дело тем более обстояло таким образом, что ранние славяне оседлым земледелием не занимались, а использовали кочевую его разновидность, известную как «подсечно-огневая» система. Этот способ обработки земли состоял в том, что крестьяне расчищали лес и поджигали поваленные деревья; когда пламя спадало, они бросали семена в удобренную золой почву. Едва появлялись признаки истощения почвы, они переходили на другой участок бескрайнего леса, и все повторялось сызнова.

Обилие земли, существовавшее в России до XIX века, имело два важных следствия. Во-первых, оно не давало развиваться всем тем институтам, из которых в местах, страдавших от недостатка земли, вырастали гражданские общества, ибо там, где земли мало, население вынужденно изобретает способы мирного разрешения возникающих вокруг нее споров.

Во-вторых, казавшиеся до XIX века неисчерпаемыми запасы земли создали у русского крестьянина убеждение, что земля, как и вода, и воздух, это *res nullius* – ничья вещь, сотворенная богом на благо всем и не могущая, следовательно, принадлежать кому-либо лично. Каждый волен ею пользоваться, но никому не дано предъявлять на нее исключительные права. Обращать в собственность можно лишь то, что сам вырастил или сделал, а раз никто землю не сделал, никто не может быть и ее собственником. В сознании русского крестьянина лес – это общая собственность, но заготовленная древесина принадлежит тому, кто рубил. Это мировоззрение, вполне обычное в первобытных обществах, в России пережило эру изобилия земли и удержалось в крестьянском сознании вплоть до начала XX столетия, когда из-за роста населения и с прекращением территориальной экспансии возникла нехватка пахотных земель.

Таким образом, положение здесь резко отличалось от того, какое сложилось в Западной Европе, где оседлое земледелие существовало тысячелетиями – в Англии, во всяком случае, с 2500 года до н. э. – и где уже во времена классической античности землевладение находилось под общественной, а порой и юридической защитой.

Иной, но тоже толкавшей к пренебрежению собственностью, была и природа первого русского государства, основанного в IX веке шведскими викингами. В отличие от норвежских и датских викингов, обрушившихся на Западную Европу, шведские завоеватели явились в Россию не как землевладельцы, а как купцы-авантюристы. У России не было плодородных земель, виноградников и оливковых рощ, которые привлекли скандинавов в Англию, Францию и Испанию, где они начинали разбойниками, а затем становились поселенцами. Экономически самым привлекательным, что она могла предложить, был транзитный путь в Византию и на Ближний Восток по сети рек, соединявших Балтику с Черным и Каспийским морями. Это был заманчивый коммерческий маршрут, потому что мусульманское завоевание Средиземноморья в седьмом и восьмом веках разорвало торговые связи Западной Европы с Ближним Востоком. Среди сохранившихся документов российской истории один из древнейших представляет собой составленный в 912 году н. э. договор викингов, тогда именовавшихся «русью», с Кон-

стантинополем. Клады византийских и арабских монет, найденные при раскопках в северо-западной России и в Скандинавии, свидетельствуют об оживленной торговле, которую викинги через Русь вели с восточным Средиземноморьем.

Скандинавские завоеватели в России не оседали и здешними землевладельцами не становились: в стране с малопродуктивной почвой, коротким сезоном сельскохозяйственных работ и очень подвижной рабочей силой, торговля сулила гораздо больше выгод, чем земледелие. Поэтому викинги занимались тем, что вдоль главных речных путей воздвигали крепости-города для складирования товаров, которые поступали к ним в виде дани с местных жителей, славян и финнов, и которые они под усиленной охраной каждую весну отправляли в Константинополь. Как и в других частях Европы, они брали себе местных жен и со временем растворились в здешнем населении: общепринято считать, что к середине XI века они ослабли.

На потребу своей военно-торговой деятельности русские викинги (варяги) придумали необычную систему правления, которая отличалась столь примечательной особенностью, как перемещение князей, членов правящей династии, – по очереди в порядке старшинства – из одного укрепленного города в другой. Должность великого князя давала ее обладателю право «сидеть в Киеве», то есть править в городе на Днепре, служившем последним перевалочным пунктом ежегодной экспедиции в Константинополь. Младшие члены клана властвовали над другими крепостями. Царство варягов быстро разрасталось по евразийской равнине, встречая слабое сопротивление со стороны разрозненных отсталых славянских и финских племен. Целью этой экспансии была, однако, не земля, а дань, которую брали в основном рабами, мехами и воском. Управление обширной территорией, находившейся под властью Киева, было очень ненавязчивым. В крепостях, населенных вооруженными ратниками и немногочисленными постоянными жителями в лице ремесленников, торговцев, служителей культа и рабов, складывалась зачаточная политическая жизнь с участием свободных людей в народных собраниях, называвшихся вече. Важно иметь в виду, что в России первые викинги, будучи правящей военно-торговой кастой, ни обработкой земли не занимались, ни в собственность себе ее не брали – в резком отличии от того, что имело место в Англии, где нормандские завоеватели присваивали себе право на все земли. Одним из следствий было то, что основатели первого русского государства не выработали никакого четкого представления о разнице между их публичными и частными делами; они правили своим царством и распоряжались его богатствами, не замечая никаких различий между этими двумя видами деятельности.

Не существует никаких свидетельств о том, что в киевский период русской истории (с X по середину XIII века) и даже позже, в течение следующего столетия, кто-либо – будь то князь, боярин или крестьянин – заявлял о своем праве собственности на землю. В «Русской правде», самом раннем своде законов, составленном в XI веке, нет ни слова о недвижимом имуществе. Не обнаружено по существу никаких свидетельств о сделках с землей, совершенных на северо-востоке России до первой половины XIV века, и очень немного о тех, что были заключены во второй половине этого века. Земельная собственность, в отличие от владения территорией, появилась на Руси лишь около 1400 года, когда страной правили монголы. Факт примечательный, если учесть, как высоко была в то время развита система земельных держаний в Европе. В Англии наличие личной собственности на землю, причем не только у знати, но и, согласно недавним исследованиям, у рядовых свободных крестьян и крепостных, может быть установлено уже для 1200 года. К тому же по всей феодальной Европе фьефы передавались по наследству и, стало быть, *de facto* представляли собой собственность их держателей.

* * *

Интерес к земле у русских правителей впервые пробудился после вторжения в черноморские степи воинственных кочевников из Азии. Тюркские племена, известные под названием печенегов или половцев, то и дело повторяли набеги на пролежавшие по черноморским степям караванные пути и около 1200 года привели в расстройство, а, в конечном счете, вовсе уничтожили торговлю Киева с Константинополем. Лишившись доходов от торговли, князья обратились к оседлой жизни. В особенности это относится к правителям северных княжеств, не подвергавшихся вторжениям кочевников: здесь, говоря словами О. Ключевского, появился «князь-вотчинник, наследственный оседлый землевладелец, сменивший своего южного предка, князя-родича, подвижного очередного соправителя Русской земли», и ставший «коренным и самым деятельным элементом в составе власти московского государства». Князья стали суверенными правителями и собственниками одновременно, воспринимавшими свои княжества как наследственные вотчины. Таким образом, понятие суверенитета в России предшествовало понятию частной собственности – факт, имевший огромные последствия для всего исторического развития страны.

Киевское государство, жестоко потрепанное набегами печенегов, было в 1237–1242 годах раздавлено монголами. Новые захватчики разрушали все города, оказывавшие им сопротивление, включая и Киев, где были погублены многие его жители. Они упорно продвигались в Европу и, возможно, покорили бы ее, – ибо за ними не числилось ни единого проигранного сражения, – но в 1241 году известие о смерти великого хана Угедея, преемника Чингисхана, заставило их повернуть вспять и возвратиться в Монголию.

Россия, достигшая было ненадежного объединения, теперь стала разваливаться. Южная и юго-западная части территории Киевского государства (сегодняшние западные Украина и Белоруссия) попали под власть сначала литовцев, потом поляков. На севере Новгород, который монголы покорить не сумели, но который вынужден был платить им дань (ясак), стал *de facto* суверенным городом-государством. Срединные районы, ядро будущего Российского государства, раскололись на множество династических княжеств. Монголы обратили их в провинцию своей империи, которой они управляли из Сарая на Волге, столицы Золотой Орды, одного из государств – наследников державы Чингисхана. Они оставили княжества нетронутыми, предоставив князьям-правителям делить свои владения между сыновьями. Каждый русский князь, получив свой удел, должен был отправиться в Сарай за ярлыком, подтверждавшим его права на эту землю как на отчину. Это было небезопасное путешествие, иные из него и не возвращались.

Русского царства монголы физически не захватывали (как они захватили Китай, Корею и Иран), вероятно, ввиду его бедности и труднодоступности. Как и викингов, их в основном интересовала дань. В 1257–1259 годах, создавая базу для налогообложения, они составили кадастр земель в междуречье Волги – Оки и в Новгороде. Первоначально сбор дани они передали мусульманским откупщикам, которых поддерживали вооруженными отрядами, состоявшими в значительной мере из русских под командованием монгольских офицеров – баскаков. Но эти откупщики вызывали такое народное недовольство и так часто подвергались нападениям и самосуду, что после ряда городских восстаний в 1260-х и 1270-х годах, которые они жестоко подавили, монголы переложили ответственность за сбор дани на самих русских князей. В начале XIV столетия правитель города Владимира подрядился собирать ясак со всех княжеств, находившихся под властью Москвы, и благодаря этому стал великим князем. Так на великих князьях, сначала владимирском, а потом московском, и лежала эта обязанность до конца XV века, когда Золотая Орда распалась, и Россия дань платить перестала.

* * *

Даже с распадом Киевского государства сохранилось определенное представление о единстве русской земли. Оно поддерживалось православной верой, которая давала русским чувство общности, и помогало им отличать себя от монголов и мусульман на востоке, и от католиков на Западе. Коллективная ответственность за уплату дани Золотой орде также способствовала чувству единения. В этом же направлении действовала проявленная монголами готовность сохранить переместившийся теперь из Киева на северо-восток пост великого князя.

В период монгольского владычества, известный также под названием «удельного времени» (от средневекового понятия «удел», означавшего землю или другой источник дохода, выделенный правителем на жизнь своим отпрыскам), русские князья смотрели на подвластные им территории как на свою частную собственность, от которой они могли отрезать земли, передаваемые в дар духовенству и своим служилым людям. В XIX веке историк Борис Чичерин впервые обратил внимание на то, что княжеские завещания и договоры того времени были облечены в понятия гражданского права, в точности как завещательные документы частных лиц. Московские правители, от Ивана I Калиты (1325–1340) до Ивана III (1462–1505), распоряжались своими царствами так, будто это были их частные земельные владения, делили их между сыновьями и вдовами как их душе было угодно. Между своим личным имуществом и государственной собственностью никаких различий князья не видели. Такой взгляд на вещи подкреплялся и порядками, принятыми у монголов, которые всю свою огромную империю считали собственностью правящего императора и других потомков Чингисхана. Для всего последующего развития России огромное значение имело то, что, говоря словами еще одного историка далекого прошлого, «государь был обладателем всей России и частная собственность вытекла из государственной», – иначе сказать, в России частное брало свое начало в публичном. Частная собственность в этой стране не была ни основой становления государства (как в классические времена в Афинах или в Риме), ни тем институтом, который развивался наряду с государством (как в большей части Западной Европы); она проистекала из государства.

Взятие на себя русскими князьями ответственности за поддержание порядка и сбор дани от имени монголов имело различные последствия для политического будущего страны, причем все они были неблагоприятны для самоуправления. Во-первых, эти крайне непопулярные действия внесли отчуждение между князьями и их народом, создали ставшую постоянным фактом русской истории пропасть между правителями и управляемыми. Во-вторых, это поощрило князей на использование автократических методов. До монгольского завоевания русские княжества управлялись князьями в совете с вече, аналогом англосаксонского фолькмота. Немецкие купцы, посещавшие Новгород в средние века, поражались сходству вече с учреждением, которое они знали у себя в Германии под названием *ghemeine ding* или «общее дело», причем «дело» (*ding*) понималось в старинном значении «собрание». В домонгольское время вече были во всех русских городах, притом самые сильные среди них часто изгоняли князей, проигравших битву или как-либо иначе им не угодивших. Поэтому не без оснований можно предполагать, что при естественном ходе событий русские города, подобно западным, стали бы центрами самоуправления и гарантами гражданских прав для своих жителей.

Монголы предотвратили такое развитие. У них не было никакой нужды в вече, которое было опорой сопротивления их требованиям. Русские князья, обязанные собирать дань для монголов, также не имели причин благосклонно относиться к собраниям, которые мешали им выполнять свой долг перед монгольскими властителями. В результате во второй половине XIII века эти собрания остались без употребления. Исключение составил север, особенно Псков и Новгород, в других же местах вече исчезли, оставив князей единственными носителями власти. Там, где князья сталкивались с неповиновением своих подданных, они обращались за помо-

щью к хозяевам-монголам. Князь Александр Невский, которого Сарай назначил великим князем во Владимир (1252–1263) и который позднее был канонизирован русской церковью, отличился жестоким подавлением народного сопротивления монгольским поборам. То же можно сказать и о московском князе Иване I Калите.

Таким образом, в условиях татаро-монгольского владычества шел естественный отбор, приводивший к тому, что наибольшая власть доставалась самым деспотичным князьям, теснее всего сотрудничавшим с завоевателями. Монгольский способ управления Россией через князей-прислужников привел к устранению демократических институтов и заложил основы будущего самодержавия. Проблема монгольского влияния на русскую историю – выпячиваемая одними и загоняемая далеко в тень другими – может быть решена на основе признания, что монгольскую политическую систему русские не перенимали, потому что созданные завоеваниями и поддерживаемые военной силой институты империи кочевников для занятого сельским хозяйством населения не годились. Но русские, безусловно, усвоили политические приемы и понятия монголов, ибо в роли монгольских порученцев они привыкли обращаться со своим народом как с побежденным, как с людьми, лишенными каких бы то ни было прав. Этот образ мышления и поведения пережил монгольское иго.

* * *

Одна из трудностей, возникающих при попытке разобраться в отношениях собственности, существовавших на Руси в средние века, связана с терминологией. Земельную собственность принято было обозначать словом вотчина (или отчина), которое в точности соответствует латинскому *patrimonium* и означает полученное от отца наследство. Беда в том, что в средние века русские не отличали частного от публичного, и что бы кто ни унаследовал, включая и политическую власть, все обозначалось тем же словом. Так что удельные князья называли вотчинами свои княжества, а их высокородные слуги так же именовали принадлежавшие им владения. Иногда даже крестьяне употребляли то же слово по отношению к обрабатываемой ими земле, если прежде ее возделывали их отцы. Как и в других обществах, не знающих оформленных прав собственности, длительное владение принималось за доказательство права собственности, а самым убедительным его подтверждением служило обретение земли по наследству. «Мое, потому что я получил это от отца», – таким было главное обоснование права собственности в обществах, не достигших современного уровня развития. Отсюда следовало, что наследнику правителя в качестве вотчины доставалось и право управлять.

В последний период монгольского владычества удельные князья различали четыре вида землевладений. Это были (1) земли дворцовые, с которых поступали доходы княжеского дома и которыми управляли придворные. Остальные земли княжества делились на «белые» и «черные». «Белые» были отданы князем в постоянное владение (2) духовенству и (3) родовитым людям. Держатели этих земель не облагались налогами (что и скрывается за прилагательным «белые»), но должны были нести службу, означавшую в случае с духовенством молитвы, а применительно к аристократам – пребывание в рядах княжеского войска. Остальные земли княжества, занимавшие основную часть его территории, определялись как (4) «черные». Их держатели были обременены многообразными повинностями под общим названием тягло, что включало в себя платежи деньгами или выполнение некоторых черных работ, либо то и другое вместе. На «черные» земли, возделываемые самостоятельными крестьянами, князья смотрели как на фонд, за счет которого они могли одаривать церкви, монастыри и служилых аристократов. В результате «черные» земли становились «белыми». Из-за такого «обеления» площади «черных» земель сокращались и сокращались, пока к XVII веку они не исчезли повсюду, кроме крайнего севера.

Первыми частными землевладениями в России – помимо верховной собственности вотчинника-князя – были «белые» земли монастырей и княжеских служилых людей, известных под названием бояр. Монастыри сосредоточили в своих руках обширные владения, достававшиеся им от князей и вельмож, которые отписывали земли монахам, чтобы те молились за спасение их душ. Знать получала свои вотчины как дары из княжеских рук и эксплуатировала их с помощью крестьян-арендаторов и долговых рабов. Каково бы ни было происхождение вотчинной земли, будь то княжеская награда за службу, наследство или покупка, она всегда представляла собой собственность на правах аллода: договоры между удельными князьями обычно содержали обязательства о гарантиях сохранения имущества каждого знатного человека, даже если он не нес службы у князя, на территории которого находилось его владение. Такая свобода и такая безусловная собственность были распространены до конца XV века, когда и тому и другому Москва положила конец, введя правило, согласно которому все миряне, державшие землю в пределах ее государства, и независимо от способа приобретения этой земли, обязаны были службой князю. По мере расширения Московского государства это правило распространялось и на земли, которые оно завоевывало или приобретало как-либо иначе, например, через брачный союз или в порядке покупки.

Процесс превращения аллодальной собственности в держание, обусловленное отправлением государственной службы, всюду развернулся при Иване III в конце XV века, причем к тому времени Золотая орда распалась, и с любой практической точки зрения Россия стала независимым государством. В последующие два столетия все вотчины на землях, подвластных великим князьям московским, были, говоря сегодняшним языком, национализированы. (Церковные владения эта судьба постигла лишь в восемнадцатом веке.) Частной земельной собственности не стало.

* * *

О том, насколько отличным от этого могло бы быть развитие России, не окажись она под татаро-монгольским игом, можно судить на примере Новгорода, государства, которое долгое время соперничало с Москвой и по величине, и по влиянию.

Шведские викинги в XIX веке основали Новгород как свою главную крепость на севере России; отсюда они разбрелись по другим частям страны.

Русский север, а именно Новгород и расположенный по соседству с ним Псков – оба избежавшие разорительного монгольского нашествия, – преуспели в сохранении и развитии институтов самоуправления, подавленных монголами в срединной России. Новгород, при том, что он платил монголам дань, сохранил у себя общегородское вече, как и отдельные вече в каждом из пяти, некогда составивших город, поселений («концов»). Все свободные жители Новгорода и пригородов, независимо от их социального статуса, имели право на участие в этих собраниях; решения принимались с голоса, криками. Те же порядки были введены в ряде других северных городов, прежде всего во Пскове.

Ни почва, ни климат Новгородской земли не благоприятствуют сельскому хозяйству. Большую часть этого края занимают озера и болота; для обработки пригодны лишь какие-нибудь 10 % земли. Низкокачественная кислая, глинистая и песчаная почва, так называемый подзол, требует великого количества известковых добавок и удобрений. Сезон сельскохозяйственных работ длится всего четыре месяца в году. Из-за этих неблагоприятных условий Новгороду всегда приходилось ввозить продовольствие из срединной России, а в чрезвычайных обстоятельствах – из-за границы. Тем не менее, его географическое положение оборачивалось большими коммерческими выгодами. В начале XIII века, когда кочевники-тюрки привели в расстройство «путь из варяг в греки», Новгород завязал торговые отношения с Ганзейским союзом, выдвигавшимся на господствующие позиции в торговле на Балтике. Ганза открывала в

Новгороде свой склад наподобие тех, что имела в Лондоне, Брюгге и Бергене. Со временем этот русский город стал наиболее значительным среди ганзейских торговых аванпостов, и не случайно, по-видимому, после прекращения в 1494 году его деятельности захватившим Новгород Иваном III Ганза скоро пришла в упадок. Новгородцы продавали немцам меха, воск и ворвань, лен и пеньку, моржовый клык и кожи, а покупали у них ткани, соль, оружие, драгоценные металлы и в голодные годы хлеб.

В погоне за товарами для вывоза Новгород расширял свои владения во всех направлениях. В середине XV века его власть простиралась на обширные пространства от Карелии и Литвы на Западе до Уральских гор на востоке. На юге рубежи его владений проходили в двухстах километрах от Москвы. Город-государство процветал. Его бояре сложились в класс независимых землевладельцев и купцов.

Главным политическим учреждением Новгорода оставалось вече, в иных местах на Руси не сохранившееся.

Новгородские князья были пришельцами извне и не имели никаких вотчинных прав ни на свой титул, ни на богатства города-государства. Их главным делом было командовать вооруженными силами города. Хотя до монгольского нашествия новгородских князей назначали из Киева, есть основания считать, что уже с 1125 года, если не раньше, ставило их у власти и смещало именно вече. К середине XII века выборными в Новгороде были все политические и церковные должности: помимо самого князя, избирались также глава исполнительной власти, именовавшийся посадником, который иногда замещал князя (первоначально князем и назначавшийся), а также епископ (которого прежде присылал митрополит киевский). Принимая свое назначение, князь должен был принести клятву («целовать крест») на верность городскому уставу, который четко очерчивал пределы его власти. К середине XII века Новгород, номинально числившийся княжеством, принял республиканскую форму правления в том смысле, что все его должностные лица сверху донизу, начиная с князя, избирались гражданами.

В собственности новгородских князей никогда не было больших земельных владений, потому что коротки были обычно сроки их службы, и сама их должность считалась лишь началом пути к посту великого князя в Киеве. Земли, которыми им удавалось обзавестись, у них отбирали и передавали во владение Софийского собора. Но для формирования новгородского уставного устройства еще важнее были статьи договорных грамот (рядов), касавшиеся земельных владений князей. Такие грамоты, по существу контракты, были исключительным достоянием Новгорода и Пскова, поскольку в иных местах на Руси князья приходили к власти либо по назначению из Киева (позднее из Сарая), либо по праву наследования. Самая старая из сохранившихся грамот относится к 1264 году. Ее отработанная форма натолкнула некоторых историков на мысль, что это сравнительно поздний образец договора из числа тех, что составлялись к концу XI века. В договорах 1264 года и последующих, заключенных между Новгородом и князем, последний клялся верно блюсти несколько условий. Он брал обязательство уважать обычаи страны. Ему не полагалось принимать какие бы то ни было решения без согласия посадника. Он не должен был ни у кого отнимать землю без вины. Особый интерес для настоящего исследования представляют статьи, ограничивавшие его экономическую независимость: они указывают, что новгородская элита сознавала связь между богатством высшего чиновника и его политической властью. Рядные грамоты запрещали князьям, как и их женам и приближенным, покупать либо иным путем приобретать в Новгороде землю. Они не должны были наделять новгородскими землями своих сторонников. Им запрещалось напрямую вести дела с немецкими торговцами, общение с которыми дозволялось только через новгородских посредников.

Эти статьи служили гарантиями, что новгородские князья не будут располагать собственными средствами и их доходы будут целиком зависеть от вече, которое даст им на время землю, чтобы они могли жить, получая с нее ренту. Дополнительно они могли получать деньги за

отправление правосудия. Князья несли службу по усмотрению вече, которое могло снимать их с должности по малейшему поводу, часто в порядке наказания за военную неудачу: между 1095 и 1304 годом в Новгороде было пятьдесят восемь князей со средним сроком пребывания у власти 3,6 года. Некоторые российские историки считают, что к 1300 году никаких князей в Новгороде вообще не осталось, и он превратился в демократическую республику в полном смысле слова – единственную в русской истории вплоть до 1990-х годов.

Демократия и собственность шли рука об руку. В конце XV столетия, накануне покорения Новгорода Москвой, около 60 % новгородской земли находилось в частной собственности. Женщины владели землей наряду с мужчинами, что указывает на продвинутое понятие личной собственности. Земля, оставшаяся за пределами частных владений, принадлежала церкви или государству. Основная часть частной земли была собственностью боярских семей, из которых выбиралось большинство городских чиновников. Из их владений поступали хлеб и прочее продовольствие, но в основном они занимались поставками на экспорт.

Подобно бюргерам в средневековой Западной Европе, жители Новгорода имели к своим услугам независимый суд. Городские суды выносили решения без оглядки на социальный статус обвиняемых и молчаливо исходя из того, что гражданство всех уравнивает перед законом: появившаяся в середине пятнадцатого века Новгородская судная грамота наставляла архиепископский суд «судить... всех равно, как боярина, так и житего, так и молодшего человека».

Во Пскове, который в 1347–1348 годах откололся от Новгорода и стал самостоятельным княжеством, утвердился тот же порядок; власть князя была сведена к исполнению должности «главного слуги вече», иными словами, он оказался на положении наемного начальника городского войска, и держали его лишь до тех пор, пока ему сопутствовали успехи на поле брани. Единственным источником его дохода были сборы за отправление правосудия, но и те доставались ему не полностью.

* * *

Далеко не так развивалось Московское княжество. Когда во второй половине XIII века монголы возвели одного из русских властителей в ранг великого князя, выделив его из числа других князей, эти последние не считали, что великокняжеский титул и земли, принадлежавшие его носителю, как-либо отличаются от их собственных титулов и владений; иначе сказать, тогда в их глазах пост великого князя еще не был вотчинной собственностью. Но когда – сначала у князей владимиристо-суздальских, а потом у их преемников, князей московских – титул стал наследственным, они стали воспринимать его как собственность, поскольку все наследуемое было вотчиной, а всякая вотчина означала собственность. В понимании носителей великокняжеского титула он подтверждал их права владения не только на собственное княжество, но и на все земли, входившие некогда в состав Киевского государства. На этом основании они, например, считали себя – пока что хотя бы теоретически – верховными властителями Новгорода. Иван I Калита, великий князь владимирский с 1328 по 1340 год, выжимавший из строптивого Новгорода дань для Золотой Орды, сделал несколько попыток подчинить этот город-государство своей власти. Когда Псков при поддержке Москвы отложился от Новгорода, от него потребовали признать своим государем московского князя. Позднее эта вотчинная идеология служила обоснованию притязаний Москвы на признание всей России и как подвластного ей края, и как ее собственности. Она же давала московским правителям основание отказывать подданным в каких-либо правах и свободах, поскольку признание за ними таковых привело бы к размытию княжеского права собственности.

Во второй половине XV века подорванная внутренними раздорами и разгромленная Тамерланом Золотая Орда распалась, и едва это произошло, московский князь Иван III (правил с 1462 по 1505 год), считая себя преемником монгольского хана, заявил о своем праве

на верховную власть над всей Россией. Главное его внимание было направлено на Новгород, самое большое и самое богатое из русских княжеств, все еще лежавших за пределами его владычества.

Покорение Новгорода происходило поэтапно. В 1471 году войско Ивана нанесло защитникам города-государства сокрушительное поражение. Тогда, однако, Иван не стал присоединять город к своим владениям и удовлетворился готовностью новгородцев признать его высшую власть. Спустя шесть лет, воспользовавшись тем, что, величая его своим господином, новгородские посланцы по оплошности употребили слово «господарь», которое могло указывать на наличие у него прав собственника, Иван потребовал от Новгорода полного подчинения. Тот отказался, и войска московского князя осадили город. Предчувствуя неизбежное поражение, новгородцы попытались договориться о сдаче на тех условиях, на каких прежде им удавалось ладить с собственными князьями. Он предложили признать московского правителя своим господином (государем) при условии, что для них дело обойдется и без высылки, и без конфискации. Им, очевидно, хорошо была известна судьба покоренных Москвой городов, большинство которых было подвергнуто этим карам. Иван с гневом отменил эти предложения: «Князь великий то вам сказал, что хотим господарства на своей отчине Великом Новгороде такова, как наше государство в Низовской земле на Москве; и вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти: ино то которое мое государство?»

Обороты речи Ивана свидетельствуют, что в его понимании высшая власть была равнозначна праву собственности на завоеванное княжество, то есть являла собой *dominium* – право свободно распоряжаться людскими и материальными ресурсами подвластной земли.

У Новгорода не оставалось иного выбора, как уступить. Что такое безоговорочная капитуляция перед правителем Москвы, выяснилось достаточно скоро. В числе первых мер, принятых Иваном в покоренном Новгороде, были запрет вече и отправка в Москву самого вечевого колокола. Так же двумя столетиями раньше в срединной России поступали монголы, и знаменовали эти действия конец самоуправления, создававшиеся веками демократические институты исчезли в одно мгновение.

В Новгороде главной задачей Ивана III было упразднить все вотчинные владения, составлявшие основу богатства и власти городской знати и опору демократического устройства городской жизни. Пока в руках бояр сохранялась основная часть производственных ресурсов города-государства, привести их к повиновению было невозможно. Сознывая, как глубоко укоренились в республике демократические обычаи, Иван произвел массовые конфискации земельных владений и во избежание поворота событий вспять выслал их обездоленных собственников в Московию.

Первыми жертвами стали вожди пролитовской группы, которых он в 1475 году приказал казнить. Вероятно, они были наиболее демократичными элементами, поскольку порядки в соседней Литве, объединившейся к этому времени с Польшей, были гораздо либеральнее, чем в Москве. Очередные конфискации, сопровождаемые высылками, проводились в небольших масштабах в 1475–1476 годах; среди потерявших свои земли оказались, прежде всего, монастыри. Затем процесс экспроприации развернулся всерьез. Зимой 1483–84 года, а затем снова в 1487–1489 годах несколько тысяч новгородских землевладельцев вместе с семьями были определены на вывод, то есть подвергнуты депортации. В числе бояр и купцов, пострадавших от этого мероприятия, были как сторонники, так и противники Москвы, и это наводит на мысль, что с московской точки зрения значение имели не политические склонности ее новых подданных, а их экономическая независимость. К тому времени, когда вывод был завершен, имущество всех без исключения светских собственников в Новгороде было конфисковано, а вместе с тем изъяты и почти все земли у епископа и почти три четверти оставшихся еще нетронутыми церковных владений; права собственности на эти земли перешли к великому князю. В 1494

году Иван закрыл в Новгороде Ганзейский двор, покончив тем самым с последним источником независимого дохода города.

* * *

Захваченные земли были разбиты на два разряда. Великий князь забирая себе треть на предмет прямой эксплуатации. Две трети отходили служилым людям – свергнутым удельным князьям и боярам, равно как и простым крестьянам, даже рабам, – которых отправляли в покоренный Новгород. Их новообетенные владения становились, однако, не вотчинами, а условными держаниями, называвшимися поместьями, и права собственности на них закреплялись за великим князем, причем не номинально, как в феодальной Англии, а по существу и во всех юридических и практических смыслах однозначно. В России, и это следует подчеркнуть, условное земельное держание не предшествовало образованию абсолютной монархии, а произошло из нее.

Поместье, то есть условное держание, которое под тем или иным названием распространилось как преобладающая форма землевладения по всей Московии, впервые появилось в удельных княжествах. На службе у средневековых князей, помимо знатных людей, которых они наделяли вотчинами, состояли также домашние слуги, именовавшиеся княжескими холопами и выполнявшими различные работы по хозяйству в качестве писарей, ремесленников, садовников, пасечников и т. д. Некоторым князья в награду за их труд давали земельные наделы или другие экономические вознаграждения (как право рыбачить или ловить бобров во владениях князя). Они становились лишь временными держателями, а не собственниками этих земель и этих прав, которыми они пользовались по милости верховного правителя и которые поэтому не подлежали отчуждению или хотя бы обмену, иначе как с княжеского соизволения. В отличие от вотчин, которые их владельцы сохраняли за собой независимо от того, кому они служили, поместья возвращались к князю, коль скоро прекращалась служба ему их держателей. Первый случай такого вида вознаграждения установлен для XIV, когда один удельный князь пожаловал землю своему псарю.

Начиная с царствования Ивана III, московские правители все чаще прибегали к раздаче поместий своим военным и гражданским слугам, собирательно известным под названием дворян – «людей княжеского двора». Права на выданные им земли оставались в руках великого князя. Земля для поместий поступала частью из отобранных вотчин, частью из завоеванных территорий, частью же из княжеского фонда «черных» земель.

С наибольшим размахом изъятия вотчин и высылки их владельцев развернулись в царствование Ивана IV Грозного (1553–1584), во времена так называемой опричнины. Историки по сей день спорят, с какой целью была предпринята эта чрезвычайная мера: одни говорят, что царь хотел полностью покончить с классом бояр, другие считают, что свои удары он наносил избирательно, преследуя лишь тех, кого подозревал в измене, третьи настаивают, что никакой осмысленной цели у него не было, и действовал он просто в припадке безумия. Никаких разногласий не возникает, однако, по поводу самого факта, что он выделил из территории своей страны обширные земли, которые взял под личное управление и назвал опричниной и которые стали царством террора, подобным тому, что полувеком раньше учинил в покоренном Новгороде Иван III. Его главными жертвами стали могущественные боярские семейства, особенно принадлежавшие к родам некогда независимых удельных князей, чьи земли были поглощены Москвой. Переведя на себя права собственности на эти земли, Иван IV стал лично расправляться с их владельцами, подвергая их казни и отправляя в ссылку. Большинство из тех знатных людей, чьи жизни он решил сохранить, были вместе с семьями высланы в только что отобранную у татар Казань. Там он наделил их поместьями, изъятими у местных землевладельцев. Результатом этих действий стало – порой физическое и, во всяком случае, экономическое –

уничтожение в России большей части земельной аристократии. Если Иван III ликвидировал независимую знать Новгорода, то Иван IV завершил уничтожение этого класса в срединных районах страны. Той же линии Иван следовал в завоеванной им Казани, где он экспроприировал мусульманских землевладельцев. Отобранные у них земли он отдавал как поместья русским князьям и боярам, изгнанным опричниной. Он казнил нескольких татарских князей и представителей местной знати, а других, как и нескольких мелких землевладельцев, велел сослать на Москву, в Новгород и Псков.

Таким способом аристократия в России была лишена не только ее наследственных владений, но и оторвана от родных мест и разбросана по миру: перемещение имело целью лишить ее опоры и источника силы на местах, и, таким образом, сделать политически немогущей. Это следствие свершившегося отметил посетивший Москву вскоре после смерти Ивана IV англичанин Джиль Флетчер: «Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч. и оставив им одно только название, он дал им другие земли на праве поместном (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола Царя, и которые находятся на весьма дальнем расстоянии и в других краях государства, и этим способом удалил их в такие области, где бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо известными в тех местах...».

Таких широкомасштабных конфискаций и изгнаний Западная Европа не знала ни в какие времена: подобным образом обходились только с евреями, на которых смотрели как на чужестранцев. Все это весьма напоминало действия древних монархий Ближнего Востока, вроде Ассирии.

* * *

На одно из любопытных побочных следствий земельной политики Московского государства в XIX веке обратил внимание историк Сергей Соловьев. Он заметил, что если в Западной Европе аристократы связывали свои имена с земельной собственностью, добавляя приставки «of», «de», «von» к названиям наследственных владений, обретенных их предками в раннем средневековье, то в России они обходились личными именами и отчествами. Это говорит о том, что происхождению своих семей они придавали больше значения, чем своим земельным владениям, которые не были их собственностью.

Основная часть доходов Московского государства поступала от косвенных налогов. Цари собирали пошлины с перевозки грузов и облагали налогом продажу товаров. Важным источником дохода был акцизный сбор с потребления алкоголя (после того, как в XVI веке у татар переняли искусство перегонки спирта). Взимались также таможенные пошлины, и собиралась дань мехами и другими товарами.

В середине XVI столетия простолюдины были обложены податями, которые брали либо с их земельных наделов, либо с дворов.

Существенной чертой вотчинных порядков было то, что держатели всех находившихся в частных руках земель, как вотчин, так и поместий, обязаны были служить. Первые шаги к утверждению этого правила московские правители сделали в середине XV столетия, и оно было окончательно закреплено век спустя в царствование Ивана IV.

Вотчиннику службу обычай предписывал всегда, но решение, какому князю служить, оставалось за ним. Попадая одно за другим в состав Московского государства, удельные княжества теряли эту свободу выбора. Ко времени вступления на царство Ивана III Москва обладала уже достаточным могуществом, чтобы отнять земли у всякого, кто уклонялся от службы. Для нежелающих служить Москве единственной альтернативой было перейти под руку великого князя литовского, но поскольку с 1386 года правители Литвы стали католиками, такой

поступок сразу навлекал обвинения в вероотступничестве и государственной измене, что вело к конфискации владений провинившегося.

Как это часто случалось в российской истории, где важнейшие нововведения производились беспорядочно и становились нормой не по закону, а по прецеденту, никакого указа, ставящего вотчинное землевладение в зависимость от несения службы, никогда не было издано. Правило установилось обычаем. Самый ранний из известных указов, ставивших обладание вотчиной в зависимость от службы московскому князю, относится к 1556 году, но само правило наверняка действовало и веком раньше. Указом 1556 года, в котором обязанность служить представлялась делом само собой разумеющимся, правительство ввело одинаковые нормы службы, как с вотчин, так и с поместий: столько-то вооруженных воинов (включая самого землевладельца) с имений таких-то и таких-то размеров. Указами 1589 и 1590 годов предписывалось у неявившихся к службе – будь то вотчинники или помещики, без разбору, – имения изымать в пользу царской власти, которая передаст их более надежным своим слугам. Поместья дворян, не имевших сыновей, также отходили государству. Никакие предельные сроки службы не устанавливались; это была пожизненная обязанность и на практике продолжалась шесть месяцев в году – с апреля по октябрь. Эти меры привели к тому, что утвердилось неизменное правило: «нельзя было сделаться вотчинником в московском государстве, не будучи слугой московского государя; нельзя было уйти с его службы без потери вотчины»: «земля не должна выходить из службы». Однако даже те служилые люди, кто неукоснительно исполнял свои обязанности перед государством, не обладали надежно закрепленными правами на свои владения, о чем говорят сохранившиеся в архивах жалобы дворян на захват властями их земель по чистому произволу («без вины», то есть беспричинно).

Уравниванием в правах двух форм землевладения объясняется, почему сохранилась, не исчезла вотчина. Действительно, в начале семнадцатого столетия 39,1 % частновладельческой земли в Московском государстве находилось в руках вотчинников. Для царей не имело значения, чем владели их слуги – поместьями или вотчинами; однако с точки зрения царевых слуг вотчины были предпочтительней. Вотчины можно было передавать по наследству и (при некоторых ограничениях) отчуждать, а также закладывать, тогда как с поместьями ничего этого не допускалось. Но все равно, начиная с XVI века о продаже вотчины полагалось сообщать в особый приказ, имевший своей обязанностью следить, чтобы всякая земля обеспечивала исполнение возложенной на нее повинности службой.

Тем не менее, и эти различия между двумя формами землевладения стали стираться. Как и в условиях западного феодализма, русская разновидность феода все чаще становилась наследственной, потому что при прочих равных условиях собственников (в российском случае царей) устраивало, чтобы земельные владения оставались в руках тех же семей. К середине XVII века утвердился порядок, что сын служилого человека, живущий в поместье (то есть помещик), коль скоро он способен нести службу, наследует имение своего отца.

Служилые люди в России не имели никаких гарантий своих личных прав, и поэтому считать их настоящими аристократами нельзя: их земельные владения и даже их звания и сама жизнь зависели от милости царя и его чиновников. Лишь в новое время (1785) они получили хартию своих прав, подобную тем, что уже в средние века были известны в Польше, Венгрии, Англии и Испании. С этой точки зрения статус русского «аристократа» ничем не отличался от статуса самого низкого простолюдина, и неудивительно поэтому, что, обращаясь к царю, самые высокопоставленные люди государства называли себя его «рабами». Владение землей не столько давало права, сколько возлагало обязанности, и были даже случаи – строго наказуемые по закону 1642 года, – когда дворяне, чтобы избежать службы, отдавали себя в кабалу другим помещикам.

О крайне враждебном отношении российской монархии к частной собственности можно судить по тому факту, что она отказывалась блюсти нерушимость прав обладания даже личным

имуществом, признаваемую и в самых отсталых обществах. Русские не могли быть уверены, что правительственные чиновники не отберут у них любой ценный предмет и не запретят торговать каким-либо товаром, объявив его государственной монополией. Флетчер следующим образом описывал тревоги, владевшие, как он заметил, российскими купцами: «Чрезвычайные притеснения, которым подвержены бедные простолюдины, лишают их вовсе бодрости заниматься своими промыслами, ибо чем кто из них зажиточнее, тем в большей находится опасности не только лишиться своего имущества, но и самой жизни. Если же у него и есть какая собственность, то старается он скрыть ее, сколько может, иногда отдавая в монастырь, а иногда зарывая в землю и в лесу, как обыкновенно делают при нашествии неприятельском. Этот страх простирается в них до того, что весьма можно заметить, как они пугаются, когда кто из бояр или дворян узнает о товаре, который они им намерены продать. Я нередко видал, как они, разложив товар свой (меха и т. п.), все оглядывались и смотрели на двери, как люди, которые боятся, чтоб их не настиг и не захватил какой-нибудь неприятель. Когда я спросил их, для чего они это делали, то узнал, что они сомневались, не было ли в числе посетителей кого-нибудь из царских дворян или какого сына боярского, и чтоб они не пришли с своими сообщниками и не взяли у них насильно весь товар».

Важным следствием того, что цари присвоили себе все земли и имели возможность отбирать все находившиеся в торговом обороте товары, была обретенная ими, таким образом, возможность по собственному произволу облагать население налогами. Мы видели, какую критически важную роль в утверждении власти парламента – и, в конечном счете, парламентской демократии – сыграла в Англии необходимость для короны добиваться парламентского одобрения вводимых налогов и таможенных пошлин. В России, в отличие от этого, царям не требовалось ничье согласие на введение и повышение налогов, сборов или таможенных пошлин. А это, в свою очередь, означало, что им не нужны были никакие парламенты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.